

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

ЧЕЧЁТКИНА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА

**Детские погребения из раскопок некрополей русских городов
XV – XVIII вв.**

Исторические науки:
специальность 5.6.3. Археология

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва, 2024

Работа выполнена в отделе теории и методики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук

Научный руководитель:

Медникова Мария Борисовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории и методики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук.

Официальные оппоненты:

Бутовская Марина Львовна – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник центра кросс-культурной психологии и этологии человека Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,

Торопова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории России и археологии Гуманитарного института федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого».

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник "Куликово поле"»

Защита состоится **«21» марта 2025 г. в 11.00** на заседании Диссертационного совета 24.1.031.01 (Д002.007.01) по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук по адресу: г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, 4-й этаж, конференц-зал

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИА РАН по адресу: Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, а также на сайте ИА РАН, в разделе Диссертационный совет: <https://archaeolog.ru/pub/dissertation-council-announcements>

Автореферат разослан «_____» _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

И.А. Дружинина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Одним из современных магистральных направлений в изучении обществ средневековья и Нового времени является анализ составляющих его социальных групп. При этом речь идет не только о характеристике общества как сословной структуры, но и о взгляде на него как систему поколений, под которыми, в соответствии с определениями современной социологии понимаются возрастные группы, взятые в единстве с присущими им в данном обществе социальными ролями. Первая по возрасту из таких социально-демографических групп – детская.

Изучение детства как неотъемлемого составного элемента социальной структуры общества традиционно ведется на основе как современных социологических и демографических данных, так и сведений письменных источников более раннего времени.

Письменные источники второй половины XIX–XX вв. дают возможность анализировать отношение к детям представителей разных слоев общества, охарактеризовать их воспитание и повседневную жизнь, детскую субкультуру, в основе которой лежит особый кодекс поведения, регулирующий взаимоотношения детей со сверстниками и взрослыми.

Однако обращение к более ранним периодам российской истории, в частности, к XVI–XVII вв., показывает невозможность сколько-нибудь значимого изучения детской возрастной группы путем анализа письменных источников, что объясняется следующими обстоятельствами.

Важнейшими источниками, фиксирующими рождение и смерть ребенка, являются метрические книги. На этом основании специалисты по исторической демографии делят историю России на метрический и дометрический периоды. Систематический учет рождаемости, числа браков, смертности и исповедания православного населения был декларирован Петром I (указы 1722–1724 гг.) (Пшеницын, Черкасова 2019. С. 86). Вести соответствующие документы, включавшие метрические ведомости, экстракты, книги, исповедные ведомости было поручено церкви. Расширившись в 1740-х гг., в полной мере метрический учёт развернулся с 1770-х гг. и продолжал успешно функционировать в XIX – начале XX в.

Дометрический период представлен решениями Московского церковного собора 1666/67 г., согласно которым при церквях должны были вестись «четыре записные книги»: рождений и крещений, браков, смертей, исповедей в дни основных постов. Однако реализованы эти решения были только спустя чуть более 50 лет. Специалисты характеризуют этот период как «пустынный», когда нормы составления метрик были, а сами метрики почти не велись и не хранились (Антонов, Антонова 2006. С. 37–39; Пшеницын, Черкасова 2019. С. 87). В целом в дометрический период учитывалась в лучшем случае внебрачная, т.е. незаконная рождаемость и скоропостижная смертность.

Близкая картина характерна и для Восточной Европы. Известно, что первая полная статистика смертности, включавшая младенческую и детскую

для одного города (Бреслау) была дана Э. Галлеем в 1693 г. (Halley 1693. С. 596 – 610). Предшествующий период фактически выпадает из поля зрения письменных источников.

В этих условиях основными, и почти единственными источниками становятся материалы археологических исследований российских городских и сельских центров XV–XVIII вв., где были выявлены могилы детей.

Полевые работы последних лет, проведенные Институтом археологии РАН, позволили полномасштабно исследовать городские и сельские некрополи позднего средневековья – Нового времени, содержащие сотни погребений. Репрезентативные материалы, полученные при раскопках, служат фундаментом для всестороннего изучения культурных процессов в важный период российской истории. В том числе, тщательный сбор антропологических находок впервые дает возможность произвести оценку качества жизни (уровня смертности, темпов роста, показателей заболеваемости) в важной возрастной группе населения русских городов с опорой на независимый источник, исследуя многочисленные захоронения маленьких детей.

Актуальность диссертационной работы определяется необходимостью заполнения лакуны в изучении важной когорты городских популяций Центральной России Нового времени и позднего средневековья – детей. Изучение детской смертности, параметров физического развития и болезней детей по материалам из археологических раскопок служит важной независимой характеристикой о качестве жизни населения позднего средневековья и Нового времени, косвенно отражая воздействие культурных и социальных процессов.

Степень разработанности темы. Археология детства – актуальное направление современных междисциплинарных исследований. В последние годы оно привлекает внимание российских специалистов, исследующих скелетные останки человека (Федосова 2003; Бужилова 2005; Медникова, 2017; Перерва 2016; Куфтерин 2017, 2022, Куфтерин В.В., Карапетян М.К., 2021 и др.).

В Ярославле ранее в разные годы уже проводились исследования кладбища при церкви Иоанна Златоуста. Антропологические определения материалов из этих раскопок в 2007 г. проводились Н.Н. Гончаровой, в 2009 г. М.В. Добровольской, в 2010 г. Т.Ю. Шведчиковой. Останки детей более подробно были рассмотрены М.Б. Медниковой и И.К. Решетовой. Общее количество детских останков на тот момент составляло 90 индивидов. Эти данные были опубликованы в публикациях по проекту РГНФ «Дети Смутного времени» (Медникова и др., 2013 и др.). Был проведён демографический анализ суммарной, на тот момент, выборки и описаны палеопатологии, встреченные у детей. В рамках диссертационной работы мною были обследованы новые материалы из раскопок того же кладбища в 2019 г.

В результате охранных раскопок в Можайске в северной части современного города был исследован некрополь при церкви Василия Кесарийского под руководством А.В. Энговатовой в 1990-1991 гг. Результаты антропологического и археологического исследования погоста XV в. на окраине г. Можайска были опубликованы (Энговатова с соавт., 2001). Были исследованы не менее 79 индивидов всех возрастных групп, обследование проводилось А.П. Бужиловой, М.Б. Медниковой, В.Н. Филберт (Федосовой), а также Н.Я. Березиной в ее дипломной работе, к сожалению, не опубликованной. Эти данные позволяют сравнить демографические характеристики городских жителей, которые погребались в кремле, и население можайского посада.

Основная цель диссертационного исследования: на основе комплексного археолого-антропологического анализа дать сравнительную характеристику качества жизни детского населения русских городов позднего средневековья – Нового времени.

Задачи исследования включали:

- характеристику погребального обряда, прослеживаемого по материалам захоронениях детей из раскопок некрополей пяти городов, а также привлеченного для сравнения одного сельского кладбища;
- характеристику погребального инвентаря из захоронений детей изучаемой группы памятников;
- характеристику уровня детской смертности на основании рассмотрения палеодемографических показателей;
- анализ данных о продольных размерах тела детей в соотношении с синхронными и современными группами населения;
- оценку встречаемости палеопатологических проявлений у детей в разных возрастных группах.

Объектом исследования является городское население эпохи позднего средневековья и Нового времени.

Предметом исследования стали материалы отчетов о полевых исследованиях; детские останки из раскопок 529 детских погребений Ярославля (Энговатова, 2019. Р-1. № 66673; № 66674–66675; № 66676 – 66680), Ростова Великого (Леонтьев, 2018. Р-1. № 62421; 2019, Р-1. № 65331; 2021, Р-1. № 76674), Можайска, Боровска (Сироштан, 2021. Р-1. № 76305–76306), Тулы (Прошкин, 2019–2020, Р-1. № 73793–73795), в которых изучены скелеты детей от рождения до 14 лет (включая сравнительный материал из с. Перхушково). При вычислении палеодемографических показателей для выборок из раскопок этих некрополей с фокусом на рассмотрение детской смертности привлекались данные по взрослому населению (суммарная выборка 1366 человек), из них антропологические материалы из раскопок

2007, 2009 и 2010 гг. и 2019 гг. в Ярославле (530), в Ростове (102 человек), Можайске (65 человек), Боровске (207 человек), в Туле (останки 261 человек). Для сравнения привлекались неопубликованные данные по сельской выборке из Перхушково (201 человек). Автором лично обследованы детские материалы из раскопок Ярославля (раскопки 2019 г.), Ростова Великого, Можайска и Перхушково, а также останки взрослых и детей из раскопок Боровска и Тулы.

Суммарная численность впервые изученных детских погребений составила для выборки из Ярославля – 152 индивидуума в возрасте от 0 до 14 лет; в выборке из Ростова Великого – 54 индивидуума от 0 до 12 лет; в выборке из раскопок Можайска в 2019 г. – 21 индивид от 0 до 7 лет; в выборке из Боровска – 99 индивидуумов от 0 до 12 лет; в выборке из Тулы – 144 индивидуума в возрасте от 0 до 14 лет; в выборке из Перхушково – 59 индивидуумов от 0 до 12 лет.

Материал был доступен для изучения в хранении ИА РАН.

Хронологические и территориальные рамки исследования. Исследованы детские погребения в хронологическом диапазоне XV – XVIII вв., подавляющее большинство из которых относится к XVI – XVII вв. Изучены материалы из подмосковного региона (некрополи Можайска, Перхушково), Ярославской области (Ярославль, Ростов Великий), Калужской (г.Боровск) и Тульской (г.Тула) областей.

Источники исследования. Основными источниками исследования стали полевые отчеты и археологическая документация о раскопках 2018 – 2022 гг., антропологические материалы из шести городских и сельского некрополей средневековья и Нового времени Ярославля, Ростова Великого, Можайска, Боровска, Тулы, Перхушково.

Все перечисленные некрополи были обнаружены экспедициями ИА РАН в ходе охранных археологических работ 2018 – 2022 гг. В результате исследований была собрана уникальная антропологическая детская коллекция из следующих мест:

- Ярославль, раскопки 2019 г., некрополь при церкви Иоанна Златоуста (кон. XVII в., раскопки под руководством А.В. Энговатовой);
- Ростов Великий, раскопки 2018, 2019, 2021 гг., участок у северной стены церкви Бориса и Глеба (раскопки А.Е. Леонтьева);
- Можайск, раскопки 2020 г., территория Можайского кремля (раскопки О.В. Двуреченского, А.В. Алексеева);
- Боровск, раскопки 2021 г., участок в центральной части площади Ленина на месте кладбища при городской церкви Преображения Господня (раскопки И.И. Сироштана, Е.И. Терещенко, О.Л. Прошкина);
- Тула, раскопки 2019 г., обширный некрополь, возникший при Успенском соборе на территории Тульского кремля (раскопки А.В. Энговатовой, О.Л. Прошкина);

– село Перхушково, раскопки 2022 г., участок средневекового некрополя «Усадьба Герцена: Дом Герцена, XIX в.» (раскопки А.В. Энговатовой, А.В. Алексеева).

В сравнительном анализе использовались опубликованные в отечественных и зарубежных изданиях данные о городских и сельских антропологических выборках, близких по хронологии, а также сведения о темпах развития современных детей, позволяющие оценить специфику роста в палеопопуляциях позднего средневековья – Нового времени.

Методы исследования. В работе были применены специальные методы археологической науки (планиграфический, стратиграфический, метод аналогий), а также методы идентификации ювенильных скелетных останков, палеодемографии, остеометрии, микрофокусной рентгенографии, регистрировались палеопатологические проявления на скелетах. Определялась частота встречаемости индикаторов физиологического стресса и палеопатологий (Schaefer, Black, Scheuer, 2009; Ubelaker, 1979; Lewis, 2007; Бужилова, 1995, 1998 и др.).

Научная значимость диссертации. Изучение представительных антропологических материалов из раскопок городских и сельских комплексов позднего средневековья – Нового времени и внимание к историческому контексту открывают путь для понимания специфики жизни в городских и сельских популяциях. Исследования детских погребений в составе городских и сельских некрополей – отдельное направление археологических исследований, перспективы которого долгое время оставались недооцененными. Развитие методической базы, обширные остеологические коллекции, накопленные благодаря раскопкам последних лет, позволили включить в рассмотрение эту категорию населения.

Научная новизна. Впервые изучены представительные материалы из детских погребений пяти городских и одного сельского некрополя позднего Средневековья – раннего Нового времени. В научный оборот вводятся археологическая характеристика детских погребений, данные о детской смертности и уязвимости определенных возрастных групп, о темпах продольного роста, о встречаемости палеопатологических проявлений, что служит независимой характеристикой качества жизни городского населения в целом.

Практическая значимость. Результаты и выводы могут быть использованы как реперный источник при обсуждении общих вопросов истории периода позднего средневековья – раннего Нового времени, при подготовке лекционных курсов и учебных пособий.

Личное участие автора в получении результатов диссертации. Автором проработаны отчеты об археологических раскопках, составлены таблицы, характеризующие детские захоронения по типам гробов, позе погребенных и встречаемость в них артефактов (крестов, пуговиц, обуви). В зависимости от сохранности детских погребений проведена попытка соотнести их локализацию с данными планиграфии. Автор лично изучил

скелетные останки из раскопок 529 детских погребений, описав степень сохранности костного материала; выполнив определение биологического возраста детей, в том числе, с использованием метода цифровой рентгенографии; вычисления палеодемографических показателей на основании идентификации останков 1366 человек, включая данные по взрослому населению; измерения диафизарных длин трубчатых костей и построение графиков, характеризующих развитие продольных размеров тела у детей разных возрастных групп; сравнительный анализ темпов роста в изученных выборках с использованием данных по синхронным и современным группам детского населения; фиксацию палеопатологических проявлений на костях и зубах с использованием радиологических методов (цифровая микрофокусная рентгенография и микротомография).

Положения, выносимые на защиту:

1. Соотнесение с данными планиграфии большого количества обнаруженных в городских и сельском некрополях погребений детей всех возрастных групп показывает, что их захоронения совершались на общих кладбищах, без выделения детских мест. Некоторое скопление детских погребений на планах некрополя Ярославля и привлеченного для сравнения сельского кладбища в Перхушкове может отражать негативные эпизоды, влиявшие на детскую смертность.

2. Погребальный обряд, зафиксированный по материалам детских погребений, соответствует христианским канонам. Поза погребенных – вытянутая на спине. Ориентировка – в западном секторе. Наиболее разнообразное положение рук наблюдается в выборке из Ярославля. Чаще всего они расположены на груди и в области живота, реже всего – в области таза и вдоль тела. Нахождение рук в области таза и вдоль тела отражают возможную ситуацию, когда при разрушении мягких тканей верхние конечности могли смещаться.

3. В разных городах (Ярославле, Ростове, Боровске, Туле) выделяется группа подзахоронений детей в гробы взрослых индивидов (преимущественно мужчин старше 30 лет). Наибольшее количество таких случаев (8) зафиксировано в Ярославле, наименьшее (1) – в Туле. При этом в Боровске имеется случай погребения взрослого мужчины с пятью детьми.

4. Все погребальные конструкции, выявленные в детских погребениях, изготовлены из дерева. В ходе систематизации они распределялись по виду и форме. Среди колод по форме выявлены несколько видов: прямоугольные, трапециевидные, антропоморфные, ладьевидные. Ладьевидные колоды распределялись по трем подвидам: с расширением в центральной части, с расширением в средней части и сужением в ножной, с расширением в головной части. Составные гробы выявлены двух видов: прямоугольный и трапециевидные.

5. В Ярославле наиболее распространёнными в детских погребениях стали долбленные колоды ладьевидной формы (19 экз.), следующими по количеству – трапециевидные колоды (7 экз.). Составные гробы для захоронения детей использовались редко (11 экз.). В Ростове зафиксированы погребения в дощатых гробах (15 экз.). В Боровске среди имеющихся долбленных колод встречена трапециевидная (1 экз.). В селе Перхушково количество долбленных колод трапециевидной, ладьевидной и антропоморфных форм значительно превышает количество составных гробов.

6. Детские погребения в основной своей массе вещевых находок не содержали: Ярославль – 88,15%, Ростов – 38,88%, Боровск – 77,76%, Тула – 95,84%.

Наиболее многочисленная категория артефактов в детских захоронениях представлена предметами личного благочестия, т.е. нательными крестами различных типов и размеров. Наибольшее количество присутствует у детей, погребенных в Ростове и Боровске. Несмотря на высокую численность детских погребений в Ярославле и Туле, количество нательных крестов в них минимально. Самая большая численность крестов во всех выборках, кроме Можайска, встречена в могилах детей до года. В Можайском Кремле обнаружены кресты из цветного металла в небольшом количестве, в погребениях детей полутора, трех и четырех лет.

7. Из других категорий погребального инвентаря обнаружены: элементы костюма в Ярославле – две бусины (кожяная и стеклянная), пуговица из цветного металла и фрагменты кожаной обуви в трех погребениях, в Ростове найдена пуговица-гирька; предметы быта и досуга обнаружены в погребении из Можайска – железная кованная игла, в Боровске – фрагмент стеклянного изделия, в заполнении ямы некрополя Тулы обнаружен фрагмент белоглиняной игрушки. Присутствовали предметы, назначение которых не представляется возможным определить – фрагмент изделия из цветного металла и накладка пластинчатая (форма не установлена) с прямоугольным отверстием.

8. Методами палеодемографии определена вариативность детской смертности в городских группах. В наиболее представительной выборке с кладбища при церкви Иоанна Златоуста в Ярославле (суммарно 530 человек по материалам раскопок разных лет) процент детской смертности достигает 40,8%; в Можайске – 32,8%. Выше всего детская смертность в выборках из более южных городов – Тулы (55,2%) и Боровска (47,9%) и более северном городе Ростове – 53%. При этом смертность детей до года убывает в ряду Ярославль, Боровск, Ростов, Можайск, Тула.

9. Для детей позднего средневековья и Нового времени были характерны малые продольные размеры тела, существенно отличающиеся от известных современных стандартов, полученных путем измерений рентгенограмм детей XX века, начиная с девятимесячного возраста. Однако выявлено совпадение размеров ключицы, характеризующей широтное

развитие плечевого пояса, с современными стандартами, что может быть в дальнейшем использовано для идентификации биологического возраста детей из археологических раскопок.

10. Во всех наших выборках дети возрастом от рождения до года в большинстве подвержены заболеваниям цингой, которая могла быть одной из главных причин смерти младенцев.

Самая большая встречаемость палеопатологий (цинги, рахита, анемии, а также присутствия неспецифических (бытовых) травм зафиксирована в Ярославле, что является убедительным доказательством сложной жизни маленьких детей в этом городе. Минимальные значения получены для Тулы.

Боровск и Ростов Великий по всем параметрам патологических проявлений попали в средний интервал. Единственным городом, где у детей не оказалось травм, стал Боровск. Используемая для сравнения сельская выборка из Перхушково при сходстве общих тенденций с городскими группами обнаружила самое большое процентное количество погребений детей без видимых патологий.

11. Статистический анализ по Пирсону показал достоверную взаимосвязь между заболеванием цингой и возрастом смерти у детей из Ярославля, Ростова, Можайска и Боровска. При этом достоверная взаимосвязь между *cribra femoris* и возрастом видна только в Ярославле, Ростове и Туле. Связь между симптомами *cribra orbitalia* и возрастом смерти ребенка присутствовала только в Ростове.

Анализ по Спирмену между признаками заболеваний в разных детских выборках подтвердил достоверность связи между признаками *cribra orbitalia* и *cribra femoris* у детей во всех выборках кроме Тулы.

С помощью критерия Манна – Уитни были установлены достоверные различия по встречаемости признаков *cribra orbitalia* и *cribra femoris* между наиболее репрезентативными детскими выборками из Ярославля и Тулы.

12. Методом рентгенографии выявлено значительное количество индикаторов эпизодических стрессов (линий Гарриса) на трубчатых костях в выборке из Ярославля у детей разного возраста. Вместе с тем, частота встречаемости признака у маленьких детей почти вдвое уступает процентному значению у взрослых той же группы, определенному предшествующими исследованиями. Это выявляет степень негативного воздействия на подростков и индивидов юношеского возраста.

Апробация результатов исследования:

Основные положения диссертации были опубликованы в 14 научных публикациях, из них 9 статей в журналах списка ВАК; обсуждались на заседаниях отдела теории и методики ИА РАН, а также на 7 конференциях международного, всероссийского и регионального уровня.

1. X Межрегиональная научная конференция «Археология: история и перспективы», 12–13 ноября 2020 г. (Ярославский музей-заповедник совместно с Институтом археологии Российской Академии наук (г. Москва)).

Доклад «Ярославль и Тула XVI–XVII вв. по данным биоархеологии (опыт сравнительного исследования)».

2. XI Межрегиональная научная конференция «Археология: история и перспективы», 24–25 ноября 2022 г. (Ярославский музей-заповедник совместно с Институтом археологии Российской Академии наук (г. Москва)). Доклад «Дети Ярославля в XVI–XVII веке по данным антропологии (по материалам раскопок ИА РАН кладбища у церкви Иоанна Златоуста)».

3. Международная конференция «IX Алексеевские чтения, памяти академиков В.П. Алексеева и Т.И. Алексеевой», 17 – 20 октября 2022 г. Доклад «Детские погребения русских городов позднего средневековья и Нового времени по данным палеодемографии, палеоауксологии и палеопатологии».

4. VI международная научно-практическая конференция молодых учёных Институт истории НАН Беларуси. 27–28 апреля 2023 г. (Минск). Доклад «Сравнительный анализ детских выборок русских некрополей XVI–XVII века».

5. Всероссийская конференция «Археология Подмосковья» 20–22 февраля 2023 г. (Москва, Институт археологии РАН). Доклад «Дети из некрополя XVI–XXII вв. села Перхушково по данным палеопатологии в сравнительном освещении».

6. «Археология Подмосковья» 20–22 февраля 2023 г. (Москва, Институт археологии РАН). Соавтор доклада: Васильева Е.Е. «Возможные места семейных захоронений на кладбище при церкви Преображения в г. Боровске».

7. XII Межрегиональная научная конференция «Археология: история и перспективы», 24–25 октября 2024 г. (Ярославский музей-заповедник совместно с Институтом археологии Российской Академии наук (г. Москва)). Доклад «Детские погребения при церкви Иоанна Златоуста в Ярославле: анализ погребальных конструкций и материальных находок».

Структура работы.

Диссертация состоит из одного тома объемом 350 страниц. Рукопись включает введение, четыре главы, подразделенных на параграфы, заключение, список использованных источников и литературы, список архивных материалов. Приложение 1 состоит из иллюстративного блока (230 рисунков). Приложение 2 содержит 43 таблицы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении аргументируются актуальность, новизна, научная и практическая значимость исследования, характеризуются его географические и хронологические рамки, методология, научная значимость и новизна,

личное участие автора в получении результатов научной работы, источники исследования.

Глава 1. Историография изучения детских погребений в археологии и антропологии

В этой главе представлены 2 раздела, характеризующие детей прошлого по данным письменных источников и вопросы изучения детских погребений по материалам из археологических раскопок.

Учение о детях берёт своё начало ещё в IV в. до н. э., его основателем можно считать Гиппократ, написавшего книгу «О природе ребёнка» (Hippocr., De puer. Nat.; русск. пер.: Карпов, 1936. С. 221 – 259). В дальнейшем о воспитании детей упоминается в работах Цельсия, Сорана, Галена. В трактате «О прорезывании зубов», авторство которого приписывают Гиппократу, уже было сделано много частных наблюдений медицинского характера о развитии младенцев.

Термин «ребенок» в широком понимании относится к несовершеннолетнему лицу, являющемуся членом определенного племени, носителем конкретных культурных традиций. Кровные отношения связывают детей с родителями, дети в социуме воплощают связь поколений. Если смотреть с социальной стороны, «детство» относится к периоду жизни, во время которого человек может считаться ребёнком в соответствии с культурной, социальной и экономической характеристикой данного исторического периода.

С точки зрения представлений о возрасте детей в Руси / Российской империи характерна фраза из учебника церковнославянского языка, изданного в XIX в.: «Младенец – до семи лет, отроча (отрок) – до двои седмиц лет (т.е. до 14), отрок – до трёх седмиц (т.е. до 21), юноша – до четырёх седмиц (т.е. до 28), муж – до осми седмиц (т.е. до 56), и оттоле старец». То есть младенцами называли детей до 7 лет, отроча с 7 до 14, отроками с 14 до 21, юношами 21 до 28 лет. В. И. Даль добавлял утробный возраст и после младенческого – ребячий. В этом виде восприятие возрастов выглядело следующим образом: утробный, младенческий (до 7 лет), ребячий (7 – 14 лет), отроческий (14 – 21), юношеский (21 – 28) (Даль, 1989. С. 200). Рассматриваемые в моей работе погребения принадлежали детям в возрасте от рождения до 12 лет, т.е. могут быть отнесены к «утробным», «младенческим» и «ребячьим».

В публикациях историков используется другое подразделение периода детства. Анализ метрических книг Сергиевского посада 1780–1812 гг. позволил выделить шесть возрастных категорий: до 1 года, от 1 до 5, от 5 до 15, от 15 до 30, от 30 до 50, от 50 лет и старше (Четырина, 2007. С. 255 – 257). Детской группе соответствуют первые три категории.

Статистика умерших в 1841 – 1850 гг. выделяет группы до 5 лет, 5 – 10 лет и 10 – 15, в статистике 1867 – 1881 гг. к ним добавляется группа до 1 года

(Рашин, 1956. Табл. 155, 156). Анализируемые в рамках данной работы погребения соответствуют этим четырем группам.

Исследование метрических книг Сергиева Посада 1780–1812 г. показало, что погребение малолетних детей осуществляли, как правило, в первый и второй дни, причем преимущество было за первым днем. В остальные дни это случалось эпизодически (Четырина, 2007. С. 255).

Существуют этнографические наблюдения о традиции захоронения детей в XIX в., которые являлись обязательными для окружающих по отношению к умершему человеку. Умиравших детей переносили в другой дом к соседям. Присутствующие люди возле умирающего не разговаривали, боясь потревожить, а после смерти начинался плач и причитания. Тело умершего обмывали водой и одевали в лучшую одежду. Тех, кто омывал тело покойного («мытникам») давали серебряный рубль. Дно гроба укладывали сухой березовой листвой и накрывали толстым портном, а в изголовье размещали маленькую подушку, так же набитую листьями. После того как тело помещали в гроб, его накрывали тонким портном. По сведениям периода Российской империи, для детей до двух лет гробов не делали. Их клали в выдолбленные из дерева колодки, сверху закрывали крышкой, а чтобы она не отпала, привязывали веревкой. Тело умершего стояло одну ночь под образами. Прощание состояло в том, что умершему кланялись и целовали в губы. После прощания происходило отпевание, и гроб заколачивали и уносили на кладбище. Законодательно установленная плата за погребение взрослого составляла 10 коп., а за погребение младенца – 3 коп. Младенческое погребение совершалось без каждения. Умерших детей, в отличие от взрослых, не сопровождали колокольным звоном. При помещении гроба в могилу, родственники клали кусок земли на крышку гроба (Лещенко, 2004. С. 336).

Письменные источники начала XX в. сообщают о существовании пяти чинов погребения: мирян, младенцев, монахов, священников, погребения на Пасху (Четырина, 2007, С. 246). Как видно, чин погребения младенцев, появившийся в XVI в., выделен в отдельный, однако его описание не содержит элементов, которые могут быть зафиксированы археологически.

На протяжении долгого времени останки детей из археологических раскопок, как правило, отличавшиеся плохой сохранностью, не привлекали пристального внимания специалистов. Детальное изучение детских погребений до недавнего времени было не частым явлением, за немногими и очень яркими исключениями.

Первым шагом к выделению в рамках археологии области, связанной с отдельным изучением детских погребений и материальной культуры детей прошлого, стала секция докладов «*Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology*», организованная в рамках конференции Европейского Общества Археологов в 1993 году (Медникова, 2017. С. 7).

Важным этапом в развитии интереса к новому научному направлению стало возникновение общества по изучению детства в прошлом в 2005 г. – международного, междисциплинарного объединения, целью которого стало продвижение и развитие научных работ в области биоархеологии детства. Эти исследования охватили широкий спектр академических дисциплин, затрагивающих раннюю стадию жизненного цикла человека в прошлом. Основание общества создало площадку для научных дискуссий, в которых участвовали исследователи из разных стран. Прежде всего, было обращено внимание на заметные разночтения в определении терминов «ребенок» и «детство». Это связано с критериями, которые могут быть использованы при определении детского статуса.

Например, если исследователи используют за основу физиологический или биологический возраст человека, определяемый по степени развития скелетной и зубной системы, то он может отличаться от фактического (паспортного) возраста в сторону уменьшения или увеличения. Еще один аспект связан с социальным возрастом, который, как показывают данные археологии, определялся культурной традицией (Halcrow, Tayles, 2008. P.192). Маленькие, с точки зрения современного общества, дети рано приобщались к хозяйственным занятиям, получая в случае их смерти с подросткового возраста или даже раньше взрослый погребальный инвентарь. Кроме того, в статьях разных авторов встречается разная терминология, в самом широком смысле применяемая для обозначения не-взрослых (“subadult”, “non-adult”, “juvenile”, “child”, “infant”), причем понимание исследователями этих терминов различается (Halcrow, Tayles, 2008. P. 192 – 193; Lewis, 2007. P. 1, 5 – 6).

Социализация, которая выделяет процесс взросления и дальнейший статус детей как взрослых, часто фигурирует в обсуждении детства. Восприятие детей взрослыми, создавалось в соответствии с системой и контролем социальной и правовой системы в данном обществе. В обществе традиционной культуры дети не имеют собственного детства, у них есть только то, которое им диктуют взрослые. Этот период для каждого времени является своеобразным и находится в зависимости от пола, возраста, порядка рождения и этнической принадлежности. Как объект исследования детство было ранее упущено из виду, и лишь недавно оно стало анализироваться с разных точек зрения (Frones, 1994. P. 145 –163).

Археологические исследования, которые посвящены детям, изучают соотношение природных и культурных факторов, угрожающих здоровью и даже приводящих к смерти детей. Благодаря многочисленным исследованиям погребального обряда можно сравнить традиции, применяемые к детям и взрослым.

В археологических публикациях уделялось внимание теоретическим проблемам статуса детей и их захоронений, а также отсутствию большого

количества детских погребений в материалах из раскопок (Kamp, 2001). Последнее может быть связано с особыми ритуалами погребения младенцев и маленьких детей (обзор литературных источников: Медникова, 2017). Важной методической проблемой является степень сохранности детских останков из археологических раскопок и сопутствующих артефактов, а также сооружений, которые могли бы указывать на присутствие детских погребений. Критика некоторых учёных была направлена на сложности интерпретации, связанные с отличиями в восприятии детей в разных культурных традициях, например, как маленьких взрослых (Sofaer, 2006. P. 155 – 167).

Многие исследования детей прошлого уходят за рамки дисциплины археологии в междисциплинарную область. Она тесно связана с развитием новых естественнонаучных методов, позволяющих получить новые интерпретации археологических данных.

Постепенно анализ материальной культуры детства превратился из описания случайных находок в главную цель некоторых исследований (Lillehammer, 2002. P. 78 – 94). За короткий промежуток времени были изучены археологические контексты детских захоронений и районов поселений эпохи бронзы (Sofaer, 1997. P. 875–889), а также с 2008 г. стал публиковаться международный журнал «Childhood in the Past» («Детство в прошлом»). В первом выпуске журнала С. Кроуфорд и М. Льюис обозначили приоритеты нового общества (Crawford, Lewis, 2008. P. 5–16).

Стоит упомянуть некоторые главные темы в изучении специфики детских погребений: определение пола, возраста, возможной этнической принадлежности по останкам погребённого, обрядов погребения, травматизма как признака агрессивности древних социумов, насильственной смерти, смерти при рождении, процесса обучения, археологических атрибутов детских погребений. То есть, анализ детства включает изучение не только возраста смерти, пола ребенка, но и социальных, экономических и культурных факторов, влиявших на образ жизни и состояние здоровья древнего населения в целом (Lillehammer, 2005. P. 18–35. Lillehammer, 2010. P. 15–45).

С постоянным ростом объема литературы эта сфера исследований получила название социальной археологии и биоархеологии детства, где совместно представлены остеология, палеопатология, погребальная археология (Lewis, 2007).

Главной публикацией, обеспечивший прогресс исследований биоархеологии детства, стал свод методических рекомендаций «Developmental Juvenile Osteology» (Scheuer, Black – первое издание 2000 г.); руководство для исследований в полевых условиях и первичной идентификации (Baker et al., 2005), а также монография М.Льюис (Lewis, 2007).

Охранные раскопки городских некрополей позднего средневековья и Нового времени, проводимые Институтом археологии РАН в последние годы, открыли уникальную возможность специального изучения многочисленных детских погребений. Обращение к материалам этого исторического периода впервые позволяет в полном объеме использовать методологические подходы, разработанные за последние 20 – 30 лет специалистами при изучении скелетных останков из детских захоронений.

С опорой на данные палеодемографии, с использованием модельных характеристик, стало возможно оценить параметры детской смертности и состав семьи в достаточно представительных выборках.

Другое важное направление исследований связано с оценкой физического развития детей прошлого в сравнении с современными детьми в рамках так называемой палеоантропологии. Доказано, что социальная стратификация отражается в продольных размерах тела детского населения. Это позволяет расценивать показатели роста как зеркало общественных изменений и развития (Година, 2010. С. 6).

Хронологические и территориальные различия, выявленные в предшествующих палеоантропологических исследованиях, ограничивают корпус сравнительных данных для изучения процессов роста в русских городах XV – XVIII вв. относительно небольшим числом близких по времени выборок. К ним относятся дети XIV–XVII вв. из раскопок литовского г. Алитус (Jankauskas, 1992. Р. 36–46), четыре средневековые и пост-средневековые выборки городских и сельских детей из Польши (Krenz-Niedbala, 2017. Р. 1–36), деревенские английские дети XVI в. из раскопок кладбища в Воррэм Перси в Йоркшире (Mays, 1999. Р. 290–312). Менее репрезентативные детские материалы были измерены в выборке из раскопок Новохарьковского могильника XV в. в Воронежской области (Медникова, 2002. С. 129–145).

За последние десятилетия специалистами было уделено особое внимание разработке дифференциальной диагностики палеопатологических проявлений по скелетным останкам детей из археологических погребений. Монографические работы в этой области обозначили спектр заболеваний детей прошлого, с которыми сталкиваются палеопатологи (Carli-Thiele, 1996; Lewis, 2007) – прежде всего, рахита, младенческой цинги, симптомов анемии и хронических бактериальных инфекций.

Итак, антропологические материалы из археологических погребений изучаются как с биологической, так и с социальной точек зрения, при этом существует мало исследований, включающих одновременно оба аспекта.

Глава 2. Характеристика материала и методы исследования детских останков, принятые в диссертации

На основании отчетов о полевых исследованиях и научных публикаций приводится характеристика материалов из раскопок в городах Ярославле, Ростове Великом, Можайске, Боровске, Туле.

Проводился анализ погребального обряда (изучение планиграфии погребений детей на общих планах могильников; систематизация и датировка погребальных конструкций, позы погребенных) и инвентаря, представленного, главным образом, предметами личного благочестия, из детских погребений. Погребальные конструкции распределялись по виду и форме. С помощью метода аналогий, а также анализа стратиграфического положения различных типов погребальных конструкций на разных хронологических ярусах могильников выявлялись возможности для датировки детских погребений, в основной своей массе не содержащих вещевых находок, которые бы давали основания для хронологической дифференциации комплексов. С помощью программы *Excel* построены таблицы, в которых описаны и обобщены данные об исследованных погребальных сооружениях.

Проводился анализ планиграфии могильников, было исследовано распределение детских погребений в общих границах кладбищ, в том числе – отдельно погребений детей различных возрастных групп. С помощью программы *Paint* были построены схематические планы с указанием возраста детей.

Удалось провести анализ позы погребенного, проследить положение рук и ориентировку головы. Обращалось внимание на погребения детей в границах гроба взрослых индивидов. Источником послужили отчеты о полевых исследованиях городских некрополей.

При анализе, систематизации, поиске аналогий, а также при датировке нательных крестов из детских погребений рассматриваемой серии некрополей русских городов автор ориентировался на исследование В.И. Молодина (Молодин, 2007). В отдельных случаях была применена классификация А.К. Станюковича (Станюкович и др., 2003), в связи с отсутствием некоторых типов крестов в своде В.И. Молодина.

Составлялись процентные соотношения распределения крестов у погребенных разного возраста: до 1 года, 1–2, 3–4, 5–6, 7–8, 9–10, 11–12 лет. В целом, обнаруженные кресты датируются широким интервалом XVI – XVIII вв. Проводилось описание находок из погребений. С помощью программы *Excel* были построены таблицы, в которых описаны находки из детских погребений.

Эта глава также знакомит с методическими сложностями, возникающими при анализе костных останков детей из археологических раскопок и связанных с сохранностью этой категории погребений. Дается характеристика методам определения биологического возраста, основанным на критериях развития зубной и костной системы.

Основным критерием для определения возраста детей служила оценка степени прорезывания и развития молочных и постоянных зубов (Ubelaker, 1989; Schaefer et al., 2009). Уточнить особенности формирования зубов при их смене с молочных на постоянные помогает метод микрофокусной цифровой рентгенографии. Рентгеновские снимки были получены автором на аппарате ПРДУ-02 с использованием рентгеновского сканера CR-35 SEC №X000241.

Когда зубной ряд отсутствует, оценка возраста останков, не принадлежащих взрослому человеку, основывается на развитии, росте и формировании скелета. Определение возраста останков ребёнка осуществляется с использованием длины диафиза. В данном исследовании было принято решение определять скелетный возраст детей в соотношении с современными стандартами (Maresh, 1970 по Schaefer, Black, Scheuer, 2009). Измерения диафизарных длин трубчатых костей производились скользящим циркулем.

При построении графиков, характеризующих параметры продольного развития трубчатых костей, были включены только те случаи, где сохранность позволяла нам определить биологический возраст по зубам.

Вычисление основных демографических характеристик произведено при помощи программы Д.В. Богатенкова Acheron. Также внутри детских выборок рассчитывались проценты индивидов в возрастных когортах: до 1 года; от 1 до 2, от 3 до 4, от 5 до 6, от 7 до 8, от 9 до 10 и от 11 до 12 лет.

Фиксировались индикаторы физиологического стресса – линии Гарриса на рентгенограммах трубчатых костей. Были описаны палеопатологии на детских останках, для каждой выборки была получена частота встречаемости палеопатологических проявлений в разных детских возрастах. Патологические проявления на костях были разделены по следующим семи категориям: цинга; рахит; анемия (метаболические нарушения); травмы (бытовые); генетические аномалии (межмышечное отверстие, вставочные кости на черепе и др.); другие заболевания (инфекции); без видимых патологий (Lewis, 2007. P. 134–143). Для выявления связи между наличием патологических проявлений с возрастом смерти ребенка, а также для оценки связи между размерами бедренной кости с наличием патологических признаков был применен критерий Пирсона. Для оценки взаимосвязи присутствия палеопатологических проявлений на останках детей был использован критерий Спирмена. При сопоставлении частот встречаемости симптомов анемии – признаков *cribra orbitalia* и *cribra femoris* для наиболее репрезентативных детских выборок из Ярославля и Тулы применялся критерий Манна – Уитни. Статистический анализ производился в программе Statistica (v13.5.0.17).

Глава 3. Погребальный обряд и погребальный инвентарь детских погребений в русских городах XV – XVIII вв.

Прежде всего, был проведен анализ *распределения детских захоронений на планах кладбищ*, в том числе погребений детей различных возрастных групп.

Результаты анализа планиграфии показали отсутствие каких бы то ни было закономерностей в расположении погребений детей различного возраста во всех исследуемых выборках.

Поза погребенных – вытянутая на спине. Ее удалось проследить для 115 индивидов в Ярославле (75,66 %). Положение рук невозможно определить в 71 случаях (46,71 %) из них у 35 детей анатомический порядок был нарушен (23,03 %). **Положение рук** определяется у 81 индивида (53,29 %), при этом большая часть детей была похоронена с руками на груди и в области живота. Реже всего руки расположены в области таза. Взаимосвязь положения рук и биологического возраста погребенных детей не прослеживается.

Ориентировка. В Ярославле все дети погребены по христианскому обычаю головой на запад, за исключением п. 542 (шестимесячный младенец), имеющего ориентировку северо-восток. Все погребения совершены в грунтовых могилах. В 105 погребениях, что составляет 69,04 % от всех рассматриваемых детских захоронений, выявлены деревянные конструкции различных видов и типов. В данной выборке присутствуют дети, погребенные в одном гробу. Вынужденное захоронение нескольких детей в одном гробу может говорить о эпидемии, унесшей жизни нескольких детей в семье. При этом в некоторых погребениях был обнаружен «основной» полный скелет и немногочисленные кости других индивидов. Отдельное внимание хотелось бы уделить погребениям детей в границах погребальной конструкции взрослых индивидов. Из 8 погребений со взрослыми, преобладают дети с мужчинами – 7, погребений с женщиной – 1. Возраст мужчин составил 30–45 лет и один индивид старше – 45–55 лет, возраст женщины – 35–45 лет. Возраст детей составляет от рождения до 2 лет.

Подавляющее большинство захоронений – не содержали предметов погребального инвентаря 88,15 % (134 погребения).

В Ростове Великом поза погребенных прослеживается в 42 случаях (77,78 %). Положение рук невозможно проследить у 24 индивидов (44,44 %) из них в 10 случаях анатомический порядок был нарушен (18,52 %). Положение рук определяется у 30 индивидов (77,78 %). Большая часть была похоронена с руками на груди и в области живота. Взаимосвязь положения рук и биологического возраста погребенных детей не прослеживается. Также присутствует небольшое количество случаев комбинированного положения рук. В Ростове Великом все дети погребены по христианскому обычаю головой на запад, с небольшим отклонением: 8 индивидов ЗЮЗ (14,81 %); 4 – ЮЗ (7,4 %); 4 – ЮЗЗ (7,4 %). В 39 погребениях, что составляет 72,22 % от всех рассматриваемых детских захоронений, выявлены деревянные конструкции различных видов и типов. В данной выборке тоже присутствуют дети, похороненные в пределах гроба взрослых индивидов. Все 3 погребения расположены в границах гроба мужчин, возраст которых

составляет от 30–39 лет, и один индивид старше 45 лет. Возраст детей составляет от рождения до 2 лет. Большинство захоронений – не содержали предметов погребального инвентаря 38,88 % (21 погребение).

Поза погребенных детей в Боровске прослеживается у 59 индивидов (56,6 %). Расположение рук невозможно проследить в 76 случаях (76,77 %), из них в анатомический порядок был нарушен у 35 индивида (35,35 %). Положение рук можно проследить в 23 случаях (23,23 %). Большая часть детей была похоронена с руками на груди и в области живота. В данной группе также присутствуют дети, которые обнаружили в одном погребении. Встречаются случаи совместного погребения детей в пределах гроба взрослых индивидов. Из 3 погребений со взрослыми, двое детей похоронены с мужчинами (от 35 лет) и одно погребение с женщиной (35–39 лет). Необычно погребение мужчины 35–39 лет (п.72/1), захороненного с пятью детьми возрастом от 0 до 1 года.

Из 3 погребений со взрослыми, преобладают дети с мужчинами – 2, погребений с женщиной – 1. Возраст мужчин составил 30–45 лет и один индивид старше – 45–55 лет, возраст женщины – 25–29 лет. Возраст детей составляет от рождения до 2 лет. Дети из Боровска все были похоронены по христианскому обычаю головой на запад, с отклонением: 11 индивидов северо-запад (11,11 %); 8 – юго-запад (8,08 %); 5 – запад-восток (5,05 %). В 33 погребениях, что составляет 33,33 % от всех рассматриваемых детских захоронений, выявлены деревянные конструкции различных видов и типов. 77,76 % захоронений – не содержали предметов погребального инвентаря (77 погребений).

Поза погребенных в Туле прослеживается в 18 случаях (12,5 %). Положение рук невозможно проследить у 136 индивидов (94,44 %) из них в 136 случаях анатомический порядок был нарушен (87,5 %). В большей части погребений анатомический порядок не прослеживается из-за разрозненности костных останков. В связи с этим положение рук у детей можно проследить только у 8 индивидов (55,55 %). В данной выборке присутствуют дети, погребенные в одном гробу, а также одно погребение в пределах погребальной ямы взрослого индивида. Скелет ребенка 6 мес. (п.14г) расположен на левом предплечии мужчины 45–49 лет. В Туле все дети погребены по христианскому обычаю головой на запад, с отклонением: 19 индивидов юго-запад (13,19 %); 1 – северо-восток (0,69 %); 1 – юг (0,69 %). В 39 погребениях, что составляет 72,22 % от всех рассматриваемых детских захоронений, выявлены деревянные конструкции различных видов и типов. 95,84 % (138 погребений) были безинвентарными.

В Ярославле XV – XVIII вв. фрагменты погребальных конструкций были выявлены в 105 погребениях, что составляет 69,07 % от всех рассматриваемых детских захоронений. Степень сохранности позволила определить тип (по конструкции: долбленные цельные – *колоды* и составные – *гробы*) и вид (по форме) лишь для 66 погребальных сооружений по

типологии Е.Е. Васильевой (2019)¹. В 39 случаях тип и вид конструкций определить не удалось из-за плохой сохранности материала. Погребальные конструкции из детских захоронений были представлены в основном колодами – 55 экземпляров, составных гробов заметно меньше – 11 экземпляров. Среди колод по форме выявлены несколько видов: семь экземпляров относились к виду трапециевидных, пять колод – к виду антропоморфных, две колоды – к виду прямоугольные, девятнадцать колод – к виду ладьевидных. Ладьевидные колоды распределялись по трем подвидам: с расширением в центральной части (9 экз.), с расширением в средней части и сужением в ножной (1 экз.), с расширением в головной части (7 экз.). Для двух ладьевидных колод подвид определить не удалось. Сохранность остальных 22 колод не позволила установить их вид. Составные гробы выявлены двух видов: прямоугольный (2 экз.) и трапециевидные (8 экз.). У одного составного гроба не удалось установить вид.

Полученная картина распределения погребальных конструкций хорошо согласуется с выводами исследования Е.Е. Васильевой касательно городских некрополей позднего Средневековья и Нового времени Верхнего Поволжья, в том числе, конструкций, обнаруженных в погребениях из раскопок 2004–2013 гг. на участке кладбища у церкви Иоанна Златоуста в Ярославле (Васильева, 2019. С.84 – 87).

В захоронениях детей на городском некрополе Ростова Великого все типологически определяемые конструкции, за единственным случаем вероятного использования колоды, были представлены составными гробами. Их количество составило 38,46 % от общего числа зафиксированных погребальных конструкций. Более близкими к Ярославской выборке и по хронологии, и по типологическому разнообразию выявленных в детских захоронениях погребальных конструкций, являются материалы из раскопок погребений детей в Боровске, в которых долбленные колоды составили 42,42% от общего числа наблюдений. При этом количество колод в захоронениях детей, умерших в возрасте от рождения до 4 лет, составляет 27,27%, а в погребениях детей возрастного интервала 5–12 лет их значительно меньше – 15,15%.

Детские могилы из Ростова Великого XVI – XVIII вв. содержали большое количество погребальных конструкций (39 экз.), что составило 72,22 % от всех погребений в данной выборке (табл. 2, рис. 60 – 67). Степень сохранности позволила определить тип и вид для 16 погребальных конструкций, а в 27 случаях их сохранность была плохой.

В захоронениях детей погребальные конструкции были представлены составными гробами – 15 экземпляров, за единственным случаем вероятного использования колоды.

Колода, выявленная в единственном случае, относится по форме к прямоугольным. Выявлены составные гробы двух видов: прямоугольные (1

---

¹ Я приношу глубокую благодарность Е.Е. Васильевой за неоднократные консультации.

экз.) и трапециевидные (2 экз.). У 12 гробов определить форму не представилось возможным.

При сопоставлении данных о возрасте умерших детей с использованными для их погребения типами гробов оказалось, что в долбленых колодах захоронен один ребенок в возрасте до 1 года. Подавляющее количество составных гробов выявлено в захоронениях детей, умерших в возрасте от рождения до 2 лет – 13 экз. (33,33%), а в погребениях детей возраста 5 – 6 лет их количество снижается до 2 экз. (5,12%).

При раскопках в Боровске обнаружено 33 погребальные конструкции XVI – XVIII вв., что составило 33,33% от всех детских захоронений в данной выборке. Степень сохранности позволила определить тип и вид только для 14 погребальных сооружений. В 19 случаях тип и вид конструкции не определим из-за плохой сохранности материала. Погребальные конструкции были представлены только колодами, из которых 1 экз. трапециевидная, а в 13 случаях форму определить не удалось. В одном случае (пл.6, кв.9, п.34), вероятно, гроб для погребения ребенка 6 месяцев являлся составным, на что указывает находка в погребении трех гвоздей.

В долбленых колодах захоронены дети, умершие в возрасте от рождения до 12 лет. Подавляющее количество приходится на возраст от рождения до 2 лет – 8 экз. (24,24%), а в погребениях детей последующих возрастных интервалах погребальных конструкций по 1 экз. (3,03%).

В выборке из Тулы, в 13 детских захоронениях были обнаружены следы от гробов в виде древесного тлена. Более точно определить их разновидность и форму не представляется возможным.

Среди детских погребений XVI – XVIII вв., исследованных на Можайском городище, не сохранились даже остатки тлена гробов.

В детских погребениях из села Перхушково, приводимых как сравнительный материал, было обнаружено 36 погребальных конструкций, что составило 61,01 % от всех детских захоронений в данной выборке. Определить тип и вид удалось только для 10 погребальных сооружений. В 26 случаях тип и вид конструкции определить не удалось из-за плохой сохранности. Погребальные конструкции были представлены в основном колодами – 7 экземпляров, составных гробов значительно меньше – 3 экземпляра. Среди деревянных колод, были встречены трапециевидные – 1 экз., антропоморфные – 1 экз., колода ладьевидная с расширением в средней части и сужением в ножной – 1 экз. Составные гробы были представлены трапециевидной формой. При сопоставлении данных о возрасте умерших детей с использованными для их погребения типами гробов оказалось, что в долбленых колодах захоронены дети, умершие в возрасте от рождения до 12 лет. При этом у детей умерших до 2 лет таких погребений 3 (5,08%), а от 5 до 12 лет – 4 (6,77%). Составные гробы присутствуют по одному экземпляру у детей умерших в интервалах 3 – 4, 5 – 6, 11 – 12 лет.

Погребальный инвентарь состоял из следующих категорий: *предметов личного благочестия*, представленных нательными крестами разной формы и

видов; крайне редко прослеживаемыми в заполнении могильных ям *элементами костюма*: пуговицами и бусинами, фрагментами обуви; *предметами быта* (железная игла, фрагмент стеклянной бутылки) и *досуга* (игрушка белоглиняная).

Нательные кресты. В детских погребениях из некрополя Ярославля большинство крестов (9 экз.) обнаружено в могилах детей, умерших в возрасте от рождения до двух лет, из них 6 экз. (60%) обнаружено в погребениях детей до 1 года, в половину меньше (30%) в погребениях детей, умерших в возрасте 1–2 лет. Еще один крест находился в погребении ребенка 9 лет. Преобладают кресты типа 8 подтипа 1 (по классификации В. И. Молодина), они составляют 4 экз. (40%) от общего числа находок данной категории. Один крест (10%) относится к типу 1 подтипу 2 – крестам простой формы с прямоугольными углами средокрестия и прямыми концами. В одном экземпляре (10%) встречен крестик типа 4 подтипа 6. Так же присутствует один крест тип 4-13 (10%) (по классификации А.К. Станюковича). Для 3 находок (30%) не представляется возможным определить тип из-за плохой сохранности.

В детских погребениях из некрополя Ростова Великого было обнаружено 27 крестов из цветного металла. Значительное количество крестов обнаружено в могилах детей, умерших в возрасте от рождения до 1 года – 21 экз. (77,75%). В погребениях детей от 1 – 2 лет обнаружено 2 экз. (7,4%) крестов, такое же количество присутствует у детей умерших в возрасте 3 – 4 года и 5 – 6 лет. Преобладают 2 типа крестов: тип 1 подтип 2 и тип 8 подтип 1, они составляют 10 и 10 экз. (37,03 и 37,03 %) от общего числа крестов. По одному экземпляру встречаются крестики: тип 4 подтипа 2 (3,7 %), тип 4 подтип 6 (3,7 %) и тип 5 подтип 1 (3,7%). Так же в данной выборке можно увидеть по одному экземпляру крестов из классификации А.К. Станюковича: тип 4-13 (3,7%), 4-21 (3,7%) и 5-40 (3,7%).

Среди индивидуальных находок в погребениях Можайска присутствуют 3 креста, у детей умерших в возрасте полтора (33,33 %), трех и четырех лет (66,66 %), определить их тип не представляется возможным.

Численность находок в детских погребениях некрополя в Боровске нательных крестиков разных форм и размеров из цветного металла – 25 экз. У детей, умерших до 1 года, количество крестов составило 9 экз. (36 %). Самое большое количество крестиков было обнаружено у детей от 1 – 2 года в количестве 11 экз. (44 %), и по одному – в погребении у детей 3 – 4 года (4 %), 5 – 6 (4 %), 9 – 10 лет (4 %). Два креста (12 %) было обнаружено у детей, у которых оказалось невозможно идентифицировать возраст. В данной выборке преобладают кресты типа 1 подтип 2, они составляют 6 экз. (24 %) от общего числа крестов в детских погребениях. Следующие по количеству встречаемости кресты типа 8 подтипа 1 – 5 экз. (20 %), и один экземпляр (4 %) креста типа 2 подтипа 3 (Молодин, 2007. С.50). Так же присутствует один крест 4-13 (4%) (Станюкович, 2013. С. 40). У 9 экз. (36 %) не удалось определить тип из-за плохой сохранности.

Находки из Тулы представлены пятью крестами (рис. 140 – 144), 4 крестика у детей умерших до 1 года (80 %) и 1 крестик у ребенка 1 – 2 года (20 %) (табл. 9). Преобладают кресты типа 1 подтипа 2, они составляют 3 экз. (60 %) от общего числа находок данной категории. В одном экземпляре (20 %) присутствует крест тип 8 подтип 1, и у одного креста не удалось определить тип.

Элементы костюма.

В рассматриваемом некрополе Ярославля (при церкви Иоанна Златоуста) в погребении 247 в заполнении ямы была обнаружена плоская костяная *бусина* (ширина 6 мм, высота 6 мм, толщина 1 мм) округлой формы у ребёнка 2 лет. А в погребении 309а была обнаружена бусина (ширина 5 мм, высота 5 мм, толщина 3 мм) из белого глухого стекла у ребенка 1,5 месяца. Датировка этих находок традиционно широкая.

Пуговица (длина 1 см, ширина и высота шляпки 6 мм) из цветного металла найдена в погребении 266 у ребенка 6 месяцев (рис. 80) некрополя в Ярославле. Среди детских погребений городского некрополя Ростова Великого у одного из индивидов из погребения 47 (четырёхлетний ребёнок) у горла была обнаружена пуговица-гирька – длина 12 см, ширина шляпки 6 мм.

В рассматриваемом некрополе Ярославля в трех погребениях (512, 530, 543) обнаружены *фрагменты кожаной обуви* у детей 3, 2 – 3 и 1,5 – 2 лет. Образцы принадлежали к ритуальной («покойницкой») обуви, которая шилась специально для погребения.

Предметы быта и досуга

При раскопках кладбища в Можайске в заполнении ямы погребения 27 у ребёнка 6 лет была найдена *железная кованная игла*.

В Боровске в погребении 57 у ребёнка полутора лет между остатками черепа и ребер находился фрагмент *стеклянного изделия*, вероятно, является частью посуды. Декорирован стеклом желтого, зеленого, бордового и черного цвета.

В погребении 46 у ребенка 1,5 года обнаружен фрагмент изделия из цветного металла, а в погребении 21 у ребенка 1,5 мес. – *накладка* пластинчатая (форма не установлена) с прямоугольным отверстием. Назначение предметов определить затруднительно.

При раскопках городского некрополя Тулы в заполнении ямы погребения 26 у ребёнка 8 лет был найден фрагмент *белоглиняной игрушки*.

Одной из необычных находок, полученных при раскопках некрополя Ростова Великого, стал эпифиз лопатки животного с круглым отверстием из погребения 54, расположенный у правого бедра ребенка 4 лет.

Глава 4. Особенности детских погребений в русских городах XV – XVIII вв. в контексте данных палеодемографии, палеоауксологии и палеопатологии.

Палеодемографическая характеристика группы населения Ярославля, полученная при раскопках кладбища при церкви Иоанна Златоуста, сегодня

основана на крайне представительных данных. Общая часть объединённой выборки составила 530 человек (144 мужчин, 159 женщин, 213 детей, 7 взрослых неопределимого возраста, 7 без определения пола и возраста). Пик смертности у маленьких ярославцев приходился на возраст 0–4 года, а у взрослых – 30–34 года (и у мужчин, и у женщин). Минимальная смертность у детей приходится на возраст 10–14 лет. Общий показатель рождаемости (показатель CBR) составил 0,045%, а общий размер семьи с учётом детей (показатель TCFS) составил 5. На процент детской смертности (показатель PCD) приходится 40,8 %. Смертность детей (dx) в интервале от рождения до 4 лет составила 30%, а затем в 5–9 лет происходит снижение до 8,1%, и уже к 10-14 годам она снижается до 2,8%.

Общий объем антропологической серии из раскопок кладбища в выборке из Ростова XVI–XVII вв. составили скелетные останки 102 человек (21 мужчины, 25 женщин, 54 ребенка, 2 взрослых). Пик смертности у детей из приходился на 0–4 года, а у взрослых – 30–34 года. Минимальная смертность прослеживается в группе взрослых в интервале 15–19 лет, а в детской выборке в возрасте 10-14 лет. Показатель детской смертности (PCD) составил 53%, общий показатель рождаемости (CBR) 0,053, а общий размер семьи с учетом детей (TCFS) составляет 5,9 человек. Смертность детей до 4 лет – 34,3%, затем она резко снижается (16,2 % в 5–9 лет и 2,5% в 10–14 лет).

Объем антропологической серии из раскопок Можайского кладбища составил скелетные останки 65 человек (25 мужчин, 17 женщин, 21 ребенок, 1 пол не определен, 1 без определения пола и возраста). Средний уровень фертильности (B) составил 16,21, а общий репродуктивный уровень (CRR) – всего 2,16. Низкий уровень смерти женщин в репродуктивном возрасте не повлиял на невысокий показатель рождаемости 0,040 (CBR). В связи с этим общий размер семьи с учетом детей (TCFS) относительно небольшой (4,3 человека). Процент детской смертности (PCD) составляет 32,8%, при этом процент детей умерших в интервале 0–1 года (NCD) 12,9%. Общий процент умерших детей в возрасте от 0 до 4 лет 21,2% (dx), уже с 5 до 9 лет происходит уменьшение смертности в половину, и к 10–14 годам наблюдается спад до 1,6%.

При детальном анализе костей погребённых из Боровска были обнаружены скелеты 207 человек (62 мужчин, 44 женщин, 99 детей, 2 взрослых). В целом данная выборка, повторяет отмеченные выше тенденции: пик смертности детей в 0–4 года, а у взрослых – 30–34 года, минимальная смертность в детской выборке наблюдается в 10-14 лет. Но она выделяется высоким значением детской смертности (PCD) – 47,9 %. Смертность в 0-4 года 31,4%, в 5-9 лет 14,5 %, в 10–14 лет 2%. Общий показатель рождаемости (CBR) составляет 0,053, а на общий размер семьи с учетом детей (TCFS) приходится 6,3, что полностью схоже с данными по г. Ростову.

Антропологическая коллекция из раскопок в Туле была представлена останками 261 человека, из них 144 скелета принадлежали детям, 54 –

мужчинам, 57 – женщинам, пол шести взрослых индивидуумов не мог быть определен по причине плохой сохранности костного материала. В выборке из Тулы XVI–XVII вв. смертность детей (PCD) наиболее высока – 55,2%, общий показатель рождаемости (CBR) в этой группе 0,058. Довольно высоким является общий размер семьи с учетом детей (TCFS=7,2 человека), с уровнем фертильности (В) взрослого населения 9,76. Смертность детей до 4 лет составила 32,8%, в 5–9 лет 17,7%, в 10–14 годам 4,7%.

Привлеченная для сравнения выборка из села Перхушково включает в себя останки 201 человека (96 мужчин, 45 женщин, 59 детей и одного взрослого неопределимого возраста). Детская смертность меньше – 29,4 % по сравнению со всеми городскими группами, но ее пик также приходится на 0–4 года (19,5%), со снижением в 5–9 лет до 6,8%, и к 10–14 годам до 3,1%.

Помимо модельных палеодемографических показателей был вычислен процент останков, относимых к разным возрастным группам: до 1 года, 1–2 года, 3–4 года, 5–6 лет, 7–8 лет, 9–10 лет, 11–12 лет. Самая большая представленность во всех городских группах приходится на интервал до 1 года с планомерным снижением вплоть до 12 лет. В противоположность, в сельской группе Перхушково отмечен подъем смертности детей на втором году жизни.

Выборки были также разделены по географическому принципу: «северные» (Ярославль, Ростов Великий), «южные» (Тула, Боровск), «западные» (Можайск, Перхушково), но детская смертность (PCD) не дает различий «северных» и «южных» российских городов. На севере выше, чем на юге, средний возраст смерти взрослого населения (AA) и ожидаемая продолжительность его жизни (E15), но, по сравнению с югом, меньше общий размер семьи с учетом детей. Привлечение сравнительных близких по хронологии материалов с территории Литвы, Польши показывало, что дети из русских городов были менее устойчивы к заболеваниям в раннем возрасте (до 4 лет), но меньшее их количество умирали после этого возраста.

В ярославской группе только 5,74% детей демонстрирует согласованные темпы развития зубной и скелетной системы, в Ростове Великом таких детей – 6,89%, в с. Перхушково – 0 %, в Можайске – 10,53%, в Боровске – 14,28%, в тульской выборке таких детей 44%. Были рассмотрены «кривые роста» для отдельно взятых трубчатых костей у детей разного возраста. Для плечевой кости можно видеть меньшие продольные размеры у детей всех археологических выборок по сравнению с современными стандартами, особенно после 9 месяцев. Различия в длинах костей предплечья и бедренных, большеберцовых костей между позднесредневековыми и современными детьми выражены еще отчетливее и проявляются, начиная с возраста не позднее 3 месяцев. Другая картина наблюдается при сравнении с продольными размерами ключицы: в русских городах дети не отстают современных стандартов в развитии плечевого пояса, а в выборках из Ярославля и Тулы даже их опережают в возрасте 5–9 лет. Сопоставление с опубликованными разными авторами измерениями синхронных детей из

городских выборок Литвы, Польши, сельской Англии показывает замедление темпов роста у детей Ярославля и Тулы в 2–4 года, но последующее опережение после 7 лет.

В суммарных выборках всех изученных групп преобладают патологические проявления рахита и цинги, немного меньше детей с анемией. В «северных» выборках Ярославля и Ростова Великого самый высокий процент всех патологических признаков. Наибольшая встречаемость патологических признаков (цинги, рахита, анемии, а также присутствия неспецифических (бытовых) травм) зафиксирована в Ярославле. Разделение по возрастам позволило детально увидеть более дифференцированную картину. Дети от рождения до 1 года в большинстве подвержены заболеваниям младенческой цингой или болезнью Моллера-Барлоу.

Был проведен анализ достоверности по Пирсону между патологическими проявлениями на детских костях (цинга, рахит, *cribra orbitalia*, *cribra femoris*) и биологическим возрастом этих детей. Возраст детей был разделён на интервалы до 1 года, от 1 до 2, 3–4, 5–6, 7–8, 9–10, 11–12 лет.

В Ярославле обнаружена достоверная связь между заболеванием цингой и возрастом смерти детей, слабая – между проявлениями рахита и возрастом. В группе детей из Ростова Великого подтвердилась взаимосвязь между тремя параметрами: цингой и возрастом, *cribra orbitalia* и возрастом, а также *cribra femoris* и возрастом. В Можайске присутствует достоверная взаимосвязь только между заболеванием цингой и возрастом детей, но связь с возрастом других признаков полностью отсутствует. В «южном» городе Боровске, в отличие от Тулы, присутствует связь между заболеванием цингой и возрастом. При этом в Туле, в противоположность Боровску, можно увидеть связь между признаком *cribra femoris* и возрастом.

Оценка ранговой корреляции по Спирмену признаков заболеваний цинги и рахита показывает слабую связь, не являющуюся статистически значимой. К примеру, в группе у детей из Ростова Великого корреляция слабая отрицательная. Выявлена достоверность связи между *cribra orbitalia* и *cribra femoris* у детей из выборок Ярославля ($r=0,34$; $p<0,01$), Ростова Великого ($r=0,46$; $p<0,01$), в Можайске ($r=0,68$; $p<0,01$) и Боровске ($r=0,32$; $p\leq 0,05$). При этом связь в этих группах умеренная и статистически значимая, в отличие от Тульской выборки, где не подтверждается достоверность связи между признаками ($r=-0,03$; $p>0,05$). При сопоставлении патологических проявлений цинги и *cribra orbitalia* во всех выборках связь достоверность статистически не подтвердилась. Немного другая ситуация наблюдается при анализе связи между проявлениями цинги и ее взаимосвязью с *cribra femoris*. В «северных» регионах подтверждается связь между признаками. Но в выборке из Ярославля существует слабая отрицательная связь ($r=-0,2$; $p<0,05$), а в Ростове Великом связь умеренная отрицательная ($r=-0,31$; $p<0,05$). «Южные» группы статистически подтвердили отсутствие связи между заболеваниями. В более западном городе Можайск эта связь так же отсутствует ($r=-0,33$; $p>0,05$). Если

сравнивать взаимосвязь между признаками рахита и *cribra orbitalia*, в детских выборках видна статистически значимая взаимосвязь только в одной «южной» группе из Тулы ($r=0,25$; $p<0,05$). Только в одной «северной» группе из Ярославля подтверждается достоверность связи между признаками «рахит» и «*cribra femoris*» ($r=0,21$; $p<0,05$).

С использованием критерия Манна-Уитни по признаку *cribra orbitalia* у детей, выборка из «северного» Ярославля показала достоверные различия с «южной» группой Тулы. Данная патология в Ярославле встречается чаще, чем в Туле. Похожий результат получился при анализе встречаемости патологии *cribra femoris* в этих выборках.

Также была исследована встречаемость индикаторов физиологического стресса - линий Гарриса в выборке детей Ярославля. Проведена рентгенография плечевых, бедренных и большеберцовых костей у 76 детей. Для более подробного исследования наличия признака учитывались возрастные интервалы: до 1 года, 1–2 года, 3–4 года, 5–6 лет, 7–8 лет. Исследование показало, что у 51,31% на трубчатых костях не было обнаружено линий Гарриса. При этом самое большое количество линий можно увидеть у детей 3–4 лет (15,78%), а самое минимальное в 5–6 и 7–8 лет. Также присутствуют дети с эпизодическим стрессом в возрасте до 1 года, их количество составляет 9 индивидов (11,84%). Хотелось бы подчеркнуть, что этот признак довольно сложен в интерпретации, так как здесь следует учитывать т.н. «остеологический парадокс». Чем больше последствий физиологических стрессов встречено на останках индивида, тем более высоким иммунитетом (и, возможно, статусом) он обладал.

Заключение

Изучение структуры российского общества XV – XVIII вв. имеет давнюю традицию, обогащаемую новыми подходами. Один из них заключается в рассмотрении общества как системы возрастных социальных или социально-демографических групп.

Предлагаемая вниманию работа посвящена детям как одной из возрастных социальных групп российского общества, живших в центральных регионах европейской России в периоды позднего средневековья и раннего Нового времени. Исследование этой группы велось по направлениям, включающим подходы археологии, биологической (физической) и исторической антропологии, что придает работе междисциплинарный характер.

Получены результаты по следующим характеристикам рассматриваемой группы населения русских городов: погребальному обряду, конфессиональной принадлежности, возрастному делению, смертности, болезням. Проведено сравнение с трактовкой этих характеристик в общественном сознании населения Московской Руси – Российской империи. Исследования рассматриваемых погребений при привлечении более поздних

письменных источников позволили прийти к выводам, характеризующим детскую социальную группу XV – XVIII вв.

При антропологическом анализе материалы из детских захоронений были разделены по возрастным интервалам: до 1 года; от 1 до 2, от 3 до 4, от 5 до 6, от 7 до 8, от 9 до 10 и от 11 до 12 лет.

Погребальный обряд. Большое количество обнаруженных в городских некрополях погребений детей всех возрастных групп подтверждает факт отсутствия специальных детских мест на общих городских кладбищах. Соотнесение с данными планиграфии показывает, что, как правило, детские могилы равномерно распределены по площади некрополя, перемежаясь со взрослыми захоронениями. Повышенная концентрация детских мест захоронения в квадратах 9, 10, 14, 15 на кладбище Боровска или на кладбище Перхушково может отражать определенные негативные эпизоды в жизни этих групп.

Данные археологии очень редко позволяют проследить позу погребенного маленького ребенка и, тем более, положение его рук. Наилучшая сохранность позы прослеживается в детских погребениях из Ярославля и Ростова. Удалось установить, что все покойные были захоронены в вытянутом положении на спине. Наиболее разнообразное положение рук наблюдается в выборке из Ярославля. Положение рук, во всех выборках, в большинстве случаев - на груди и в области живота, реже всего – в области таза и вдоль тела. Нахождение костей рук в области таза и по бокам от тела отражают возможную ситуацию, когда при разрушении мягких тканей руки могли смещаться.

Выявлена категория детских погребений, обнаруженных в границах гроба взрослых индивидов, преимущественно, мужчин старше 30 лет. Так, в Ярославле из 8 таких погребений только в одном случае дети были погребены с женщиной. В Ростове в трех случаях детские останки были расположены в погребениях мужчин. В Боровске есть случай погребения взрослого мужчины с пятью детьми. Минимальное количество погребений взрослых с детьми прослеживается в Туле. Чаще останки ребенка расположены на груди взрослого, реже – в ногах. Преимущественно, возраст таких детей варьируется от 0 до 2 лет. Большинство детских останков сохранили анатомический порядок полностью или частично.

Эта группа погребений в будущем требует специального исследования на большем материале. Имеющиеся данные полевых отчетов не зафиксировали следов вскрытия погребальных конструкций и нарушения захоронений, прежде всего, из-за однородного характера грунта, а также средней или плохой степени сохранности погребальных конструкций. Наиболее важный вопрос здесь — одновременны ли эти погребения: основное взрослое и детские подзахоронения — таким образом, остается открытым. Второй вопрос, который также требует отдельного специального исследования — установление причины смерти всех погребенных из этой группы захоронений, включая взрослых

индивидов. Также возникает методическая задача выяснения степени родства индивидов этой группы захоронений, которая может быть решена в будущем только в результате проведения генетических исследований.

Наибольшее количество погребальных конструкций сохранилось в выборке из Ярославля. Они представлены двумя типами – долблеными колодами и составными гробами, при этом колоды разных видов и подвидов преобладают. Возраст детей в долбленых колодах преимущественно относится к интервалу от 0 до 4 лет, а составные гробы преобладают в 3–4 года, что является не типичным для детей данного возраста. Схожее распределение типов погребальных конструкций можно проследить в Боровске, где высокое число долбленых колод характерно для погребений детей того же возраста. Традиции детских захоронений в Ростове Великом, в этом отношении, отличаются от остальных городов, так как тут преобладают составные гробы, а долбленая колода присутствует в единичном случае.

Тенденция постепенного исчезновения колод и их замены составными гробами убедительно иллюстрируется материалами раскопок сельского кладбища Перхушково XV–XVI веков, которое является одним из наиболее ранних в анализируемой в диссертации группе некрополей. Здесь колоды, среди различных типов погребальных конструкций, численно превосходили составные гробы более, чем в два раза.

Косвенным подтверждением распространения взрослых обрядов погребения на категорию маленьких детей служат факты обнаружения остатков кожаной погребальной обуви в Ярославле: у ребенка полутора – двух лет из погребения 543, двух – трех лет из погребения 530 и у трехлетнего ребенка из могилы 512.

К таким же редким находкам относятся бусина белого глухого стекла в погребении полуторамесячного младенца (п.309а), пуговица цветного металла у шестимесячного ребенка (п.66), округлая костяная бусина в заполнении могилы двухлетнего ребенка (п.247) в Ярославле. В Боровске в заполнении захоронения 26, принадлежавшего восьмилетнему ребенку, обнаружен фрагмент белоглиняной игрушки, там же в погребении 57 рядом с черепом полуторагодовалого ребенка найден фрагмент стеклянного изделия. В Ростове у четырехлетнего ребенка рядом с правым бедром найден фрагмент лопатки животного с круглым отверстием.

Предметы личного благочестия – наиболее многочисленная категория артефактов, они представлены нательными крестами различных типов и размеров. В Ярославле крестики зафиксированы в погребениях детей до 1 года, от 1 до 2 лет и 9 лет. В Ростове самая большая численность крестов у детей до 1 года, значительно меньше у детей 3 – 4 и 5 – 6 лет. В Можайске обнаружены кресты из цветного металла в небольшом количестве, в погребениях детей полутора, трех и четырех лет. В Боровске наибольшее количество крестиков происходят из погребений детей до 1 года, значительно меньше в погребениях детей 1–2 лет и единичные экземпляры обнаружены в погребениях детей 3, 5, 10 лет. В Туле крестики преобладали

погребениях детей до 1 года, единственный экземпляр у ребенка 2 лет. Наконец, в Перхушково в детских погребениях крестики отсутствовали вообще. Не исключено, что это связано с материалом, из которого изготавливались предметы личного благочестия в сельской выборке. Скорее всего, детские крестики здесь были деревянными.

Уровень детской смертности. В исследованных нами выборках самая большая детская смертность приходится на интервал до 1 года с планомерным снижением вплоть до 12 лет. Такая картина полностью соответствует данным, имеющимся по Российской империи.

В Ярославле процент смертности детей до 1 года составлял 36,44 %, в 1 – 2 года – 22,03 %, с последующим резким снижением к минимальной 1,69 % к 11–12 годам. Ростов Великий показал более высокие показатели смертей в интервале до 1 года (63,46 %), резко снижающиеся до 13,46 % к 1 – 2 годам. В Можайске самая высокая смертность так же, как и во многих группах приходится на возраст до 1 года (42,85 %). В Боровске максимальная смертность детей вновь встречена в группе до 1 года (52,45 %), а минимальная – в 7 – 8 лет (1,63 % – один индивид). В 1 – 2 года смертность держится на отметке 31,14 %, т.е. остается высокой. Выборка из Тулы также показала самую большую смертность у детей до 1 года (50 %), в возрасте 1 – 2 года смертность резко уменьшается до 21,69 % и далее постепенно снижается до 1,88 в возрасте 9 – 10 лет.

Эту достаточно однообразную картину нарушает выборка из крупного села Перхушково. В возрасте до одного года смертность детей составляла 20,45 %, в 1 – 2 года происходит увеличение до 29,54 %, а к 3 – 4 годам уже составляет 22,72 %. Начиная с 5 – 6 лет, показатели плавно начинают снижение, вплоть до 11 – 12 лет. При этом полностью отсутствует группа детей в интервале 9 – 10 лет, условия жизни которых, очевидно, были наиболее благоприятны.

В Российской империи XIX – начала XX вв. историками и демографами были зафиксированы значительные региональные отличия младенческой смертности: западные губернии имели лучшие показатели; высокий уровень младенческой смертности отмечен в Ярославской губернии, максимальный – в Вятской и Пермской губерниях, т.е. в более восточных и северных регионах с наиболее холодным климатом.

По результатам проведенного палеодемографического исследования, некоторые географические тенденции заметны уже в XV – XVIII вв. Это значит, что на различие северных и южных городских популяций могли влиять климатические факторы. Разделение выборок из археологических раскопок на более «северные» (Ярославль, Ростов Великий), «южные» (Тула, Боровск), «западные» (Можайск, Перхушково) выявляет несколько палеодемографических признаков, возможно, связанных с географией. На севере выше, чем на юге, средний возраст смерти взрослого населения (АА) и ожидаемая продолжительность его жизни (Е15), но, по сравнению с югом, меньше общий размер семьи с учетом детей.

Но показатели, описывающие собственно детскую часть выборки, напротив, демонстрируют изменчивость без выраженной географической приуроченности (процент детской смертности (PCD), процент детей в интервале до года (PBD); общий показатель рождаемости (CBR); средний уровень фертильности (B); общий репродуктивный уровень (GRR).

К примеру, в «северном» Ярославле и в «южной» группе Тулы определены сходные параметры детской смертности до 4 лет и от 5 до 12 лет (81,35, 82,06 и 18,62, 17,91 %, соответственно), что может отражать принадлежность единому культурному пространству. Для сравнения, материалы раскопок позднесредневековых польских кладбищ демонстрируют меньшую смертность детей до 4 лет, но более высокую – в 5 – 12 лет.

Общие закономерности физического развития. Сопоставление темпов развития зубной и скелетной системы выявило резкое ухудшение продольного развития маленьких детей в более северных городах. Наибольшее отставание продольного роста от сроков формирования зубной системы обнаружено в выборках Ярославля и Ростова Великого (5,74 и 6,89 %). Наиболее согласованное и гармоничное развитие было характерно для детей из Тулы (44 %).

Рассмотрение диафизарных длин трубчатых костей у детей у Ярославля, Ростова, Тулы, Боровска, Можайска, Перхушково выявляет сходство траекторий соматического развития у населения русских городов в XV – XVIII вв. Для них были характерны малые продольные размеры тела, существенно отличающиеся от известных современных стандартов, полученных путем измерений рентгенограмм детей XX века, начиная с девятимесячного возраста. При сравнении с синхронными материалами обращают внимание более крупные размеры детей из раскопок сельского Новохарьковского могильника в Воронежской области (Медникова, 2002. С. 129–145), в выборке из литовского г. Алитус (Jankauskas, 1992). Несмотря на то, что русские дети до 7 лет отставали в продольном развитии от английских, затем они опережали их по длине тела. Сравнение с польскими городскими выборками выявило более раннее ускорение роста у детей Ярославля и Тулы – в 7, а не в 8 лет. Эти результаты свидетельствуют о возможной культурной специфике, связанной с условиями жизни и традициями питания детей в разных группах. Отставание продольного роста у детей русских городов позднего средневековья – Нового времени, по-видимому, могло быть компенсировано в подростковом возрасте. Это подтверждается высокорослостью значительной части населения русских городов того же периода.

Заболевания. Во всех рассмотренных выборках дети возрастом от рождения до 1 года в большинстве подвержены заболеванию цингой.

Самая большая встречаемость патологических признаков (цинги, рахита, анемии, а также присутствия неспецифических (бытовых) травм

зафиксирована в Ярославле, что является убедительным доказательством неблагоприятной жизни маленьких детей в этом городе.

Одним из самых благоприятных для жизни городов, с этой точки зрения, оказалась Тула, где отмечено самое большое количество детей без признаков патологий. Боровск и Ростов Великий по всем параметрам патологических проявлений попали в средний интервал. Единственным городом, где у детей не оказалось травм, стал Боровск.

Был проведен анализ достоверности по Пирсону зависимости между патологическими проявлениями на детских костях (цинга, рахит, *cribra orbitalia*, *cribra femoris*) и биологическим возрастом этих детей.

В Ярославле анализ по Пирсону показывает достоверную связь между заболеванием цингой и возрастом смерти; слабую связь между проявлениями рахита на костях и возрастом; между *cribra femoris* и возрастом. В группе детей из Ростова Великого также присутствует связь между заболеванием цингой и возрастом, стойкая связь между симптомами анемии – *cribra orbitalia*, *cribra femoris* и возрастом смерти ребенка. В Можайске присутствует достоверная взаимосвязь только между заболеванием цингой и возрастом детей. В «южном» городе Боровске, в отличие от Тулы, присутствует связь между заболеванием цингой и возрастом. В Туле определена единственная достоверная связь – между признаком *cribra femoris* и возрастом.

Оценка ранговой корреляции по Спирмену между признаками заболеваний в разных детских выборках подтвердила достоверность связи между признаками *cribra orbitalia* и *cribra femoris* у детей Ярославля, Ростова Великого, Можайска и Боровска, в отличие от тульской выборки, где достоверность подобной связи не подтверждается. Кроме того, для северных групп (Ярославль, Ростов) определена связь между цингой и появлением *cribra femoris*. При сравнении взаимосвязи рахита и *cribra orbitalia* статистически значима взаимосвязь только в одной «южной» группе из Тулы; достоверна корреляция рахита и *cribra femoris* у детей Ярославля. Полученные результаты не исключают разную этиологию возникновения признаков *cribra orbitalia* и *cribra femoris* у детского населения более северных и южных территорий.

С помощью критерия Манна – Уитни были установлены достоверные различия по встречаемости этих признаков между наиболее репрезентативными детскими выборками из Ярославля и Тулы, подтвердившие географические различия. Дети в Ярославле испытывали наибольшее негативное воздействие, связанное не только с витаминной недостаточностью, но и с возможными инфекционными заболеваниями, а также с паразитарными инвазиями.

Встречаемость эпизодических стрессов. Проведенная рентгенография трубчатых костей позволила определить встречаемость эпизодических стрессов у детей из Ярославля. Данное исследование выявило линии Гарриса в 48,69 % случаев, при этом самое большое количество встречается у

скончавшихся в интервале 3–4 года. Поскольку предшествующее исследование взрослого населения из той же выборки показало встречаемость данного признака в пределах 70–75%, можно заключить, что в процессе роста жителей Ярославля XVI – XVII вв. было два наиболее уязвимых периода – в раннем детстве и подростковом/юношеском возрасте.

Таким образом, изучение останков детей из археологических раскопок может стать важным источником информации о степени биологической и социальной адаптации этой социальной возрастной группы населения позднего средневековья – раннего Нового времени.

Работы по теме диссертации, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК

1. Чечёткина О.Ю. Патологии у детей, погребенных в городских некрополях XVI-XVIII вв. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 269. 2022. С. 296–310. DOI: 10.25681/IARAS/0130-2620/269/296-310

2. Чечёткина О.Ю. Рост детей в русских городах XV–XVII вв. // Российская археология. № 1. 2023. С. 128–134. DOI: 10.31857/S0869606323010075

3. Тарасова А.А., Чечёткина О.Ю. Антропологические материалы из раскопок на территории Можайского кремля. Предварительное сообщение // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология, 1/2021. 2021. С. 125–138. DOI: 10.32521/2074-8132.2021.1.125-138

4. Коробов Д.С., Чечёткина О.Ю., Медникова М.Б. Детское погребение VII в. из раскопок Бесланского могильника в фокусе комплексного междисциплинарного исследования // Российская археология. № 4. 2021. С. 65–81. DOI: 10.31857/S086960630014443-6

5. Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А., Чечёткина О.Ю., Медникова М.Б. Биоархеология детства в ямной культуре по материалам кургана 1 могильника Болдырево-4 в Южном Приуралье // «Археология, этнография и антропология Евразии». Том 50. № 2. 2022. с. 49 - 59. DOI:10.17746/1563-0102.2022.50.2.049-059

6. Morgunova N.L., Faizullin A.A., O.Y. Chechyotkina O.Y., M.B. Mednikova M.B. Bioarchaeology of Childhood in the Yamnaya Culture, Based on Kurgan 1 at Boldyrev-4, the Southern Urals // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia 50/2 (2022) 49–59. DOI:10.17746/1563-0110.2022.50.2.049-059

7. Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А., Мустафин Х.Х., Альборова И.Э., Киселева Д.В., Чечёткина О.Ю., Медникова М.Б. О статусе и избирательности детских погребений ямной археологической культуры Южного Урала (по материалам раскопок кургана 1 группы Болдырево-4) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (62). 2023. С. 115–128. DOI: 10.20874/2071-0437-2023-62-3-10.

8. Васильева Е.Е., Чечёткина О.Ю., Тарасова А.А. Об одном захоронении на кладбище при церкви Преображения в г. Боровске: археологический и антропологический аспект // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 272. 2023. С. 430–442.

9. Васильева Е.Е., Чечеткина О.Ю. Кладбище при церкви Преображения в г. Боровске: археологический и антропологический аспект // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 275. 2024. С. 436–450.

Работы, опубликованные в иных научных изданиях

10. Чечеткина О.Ю. Детские погребения русских городов позднего средневековья и Нового времени по данным палеодемографии, палеоауксологии и палеопатологии // IX Алексеевские чтения. Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной памяти академиков В.П. Алексеева и Т.И. Алексеевой. М.: ИЭА РАН, ИА РАН, НИИ и Музей антропологии МГУ. 2022. С. 48-49

11. Медникова М.Б., Энговатова А.В., Чечеткина О.Ю. Палеодемографические и палеопатологические особенности населения русских городов (по результатам охранных раскопок кладбищ XVI-XVII веков в Туле и Ярославле// Археология Подмосковья. Выпуск 19. – 2023. С.125-137.

12. Васильева Е.Е., Чечеткина О.Ю. Возможные места семейных захоронений на кладбище при церкви Преображения в городе Боровске // Археология Подмосковья. Вып. 20. М. 2024. С. 280 –285.

13. Чечёткина О.Ю. Медникова М.Б. О влиянии географического фактора на соматическое развитие ярославских детей позднего средневековья – Нового времени // Десятая межрегиональная конференция: сб. статей / под ред. А.Е. Леонтьева. – Ярославль, 2024. С.295 – 307.

14. Чечёткина О.Ю. Детские погребения при церкви Иоанна Златоуста в Ярославле: анализ погребальных конструкций и материальных находок // Десятая межрегиональная конференция: сб. статей / под ред. А.Е. Леонтьева. – Ярославль, 2024. С. 308 – 316.